

Почему приговорили к расстрелу Николая Вознесенского и Михаила Родионова? Экономические аспекты «ленинградского дела» (часть 1)

А.В. Сушков, С.А. Пьянков

Why were Nikolai Voznesensky and Mikhail Rodionov sentenced to death? Economic aspects of the "Leningrad affair" (part 1)

A.V. SUSHKOV, S.A. P'YANKOV

Аннотация. В статье рассмотрены экономические аспекты «ленинградского дела». Проанализированы такие обвинения в адрес фигурантов дела, как необоснованно завышенные запросы ленинградского руководства к правительству на выделение финансовых и материальных ресурсов. Кроме того, рассматриваются обвинения председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского в покровительстве интересам руководителей Смольного, продвижении в правительстве их экономических запросов.

Ключевые слова: «ленинградское дело», партийно-государственная система власти, период «позднего сталинизма», Ленинград, СССР.

Abstract. The article considers the economic aspects of the "Leningrad affair" and analyzes such accusations against the defendants as unreasonably inflated requests from the Leningrad leadership to the Soviet government for the allocation of financial and material resources. In addition, the accusations of the chairman of the USSR's State Planning Committee Nikolai Voznesensky in patronizing the interests of the leaders of Leningrad, promoting their economic needs in the government.

Key words: "Leningrad affair", party and state system of the power, "late Stalinism" period, Leningrad, USSR.

29–30 сентября 1950 г. в Ленинграде, в помещении Дома офицеров, состоялось заседание Военной коллегии Верховного суда СССР. На скамье подсудимых вместе с недавними ленинградскими руководителями оказались бывший член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР Николай Алексеевич Вознесенский и бывший председатель Совета министров РСФСР, член Оргбюро ЦК партии Михаил Иванович Родионов. Оба были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией имущества. Следом расстрельный приговор был вынесен заместителю Родионова в

республиканском правительстве, председателю Госплана РСФСР М.В. Басову¹.

В настоящее время в распоряжении историков имеется лишь незначительный по объему и весьма разрозненный комплекс документальных материалов о «ленинградском деле». Основной массив документов остается недоступным для исследователей. Что же касается документов о роли Н.А. Вознесенского и М.И. Родионова в «ленинградском деле», то таковых в распоряжении историков до недавнего времени находились лишь считанные единицы. Содержащиеся в этих документах такие сведения, как незаконное проведение оптовой ярмарки, инициатива Родионова о создании бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР, предложение Вознесенскому шефствовать над Ленинградом, недостатки в работе и утрата секретных документов в Госплане СССР², вынуждали искать иные объяснения расстрельному приговору. Историки сходятся во мнении, что Н.А. Вознесенский пал жертвой борьбы за власть в Кремле, был уничтожен одержавшими верх в этой борьбе Л.П. Берией и Г.М. Маленковым. За всем действием стоял И.В. Сталин, преследовавший интересы укрепления своей единоличной диктатуры и жестко пресекавший как действительные, так и мнимые попытки каких-либо изменений сложившихся политических реалий³.

Как уже говорилось, выводы историков базируются на крайне ограниченной источниковой базе. Данное обстоятельство определяет значимость любых новых архивных материалов, позволяющих пролить свет на эти малоизученные аспекты «ленинградского дела».

Одним из широко известных документов по «ленинградскому делу» является постановление Подитбюро ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1949 г. «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А.А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М.И. и Попкова П.С.» Как указывалось в постановлении, председатель Совета министров РСФСР М.И. Родионов вместе с «ленинградскими руководящими товарищами» при содействии А.А. Кузнецова самовольно и незаконно организовали Всесоюзную оптовую ярмарку. На ярмарке среди прочих были представлены товары, которые распределялись союзным правительством «по общегосударственному плану», что привело к разбазариванию государственных товарных фондов и к ущемлению интересов ряда краев, областей и республик. Проведение

Сушков Андрей Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН. E-mail: suschkow@mail.ru; Пьянков Степан Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН. E-mail: kliostefan@mail.ru.

Sushkov Andrey V. – candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: suschkow@mail.ru; Pyankov Stepan A. – candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kliostefan@mail.ru.

ярмарки нанесло ущерб государству ввиду больших и неоправданных затрат государственных средств на ее организацию. Политбюро обвинило Родионова, Попкова и Кузнецова в том, что они «нарушили элементарные основы государственной и партийной дисциплины», поскольку предварительно не получили разрешения ЦК ВКП(б) и Совмина СССР на проведение такой ярмарки, и самовольно организовали ее в Ленинграде. Кузнецов, Родионов и Попков были обвинены в «нездоровом, небольшевистском уклоне», выразившемся в «демагогическом заигрывании с ленинградской организацией, в охаивании ЦК ВКП(б), который якобы не помогает ленинградской организации, в попытках представить себя в качестве особых защитников интересов Ленинграда». П.С. Попкову были предъявлены обвинения в том, что он, «являясь первым секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), не старается обеспечить связь ленинградской партийной организации с ЦК ВКП(б), не информирует ЦК партии о положении дел в Ленинграде и вместо того, чтобы вносить вопросы и предложения непосредственно в ЦК ВКП(б), встает на путь обхода ЦК партии, на путь сомнительных закулисных, а иногда и рваческих комбинаций, проводимых через различных самозванных “шефов” Ленинграда, вроде тт. Кузнецова, Родионова и других». Решением Политбюро все трое были сняты с занимаемых постов с вынесением каждому выговора ⁴.

Н.А. Вознесенский тоже упоминался в постановлении Политбюро, но исключительно в связи с поступившим ему предложением от П.С. Попкова шефствовать над Ленинградом: «В этом же свете следует рассматривать ставшее только теперь известным ЦК ВКП(б) от т. Вознесенского предложение “шефствовать” над Ленинградом, с которым обратился в 1948 году т. Попков к т. Вознесенскому Н.А., а также неправильное поведение т. Попкова, когда он связи ленинградской партийной организации с ЦК ВКП(б) пытается подменить личными связями с так называемым “шефом” т. Кузнецовым А.А.» Отдельным пунктом постановления было записано: «Отметить, что член Политбюро ЦК ВКП(б) т. Вознесенский, хотя и отклонил предложение т. Попкова о “шефстве” над Ленинградом, указав ему на неправильность такого предложения, тем не менее все же поступил неправильно, что своевременно не доложил ЦК ВКП(б) об антипартийном предложении “шефствовать” над Ленинградом, сделанном ему т. Попковым» ⁵.

Если суть претензий Политбюро по поводу проведения ярмарки была изложена достаточно четко, то в чем заключались закулисные рваческие комбинации, в постановлении не раскрывалось. Об этом на состоявшемся 22 февраля 1949 г. объединенном пленуме ленинградских обкома и горкома ВКП(б) в присутствии Г.М. Маленкова рассказал сам П.С. Попков.

П.С. Попков: «О рвачестве, которое здесь упоминается. Я подтверждаю, что это истинно так. Два примера. Мы с товарищем Лазутиным подписали письмо на имя товарища Сталина и товарища Вознесенского, и копию послали товарищу Маленкову, позднее уже послали».

П.Г. Лазутин: «Не посылали».

П.С. Попков: «Правильно. Я взял копию с собой и считал, что когда пойду к товарищу Маленкову, я ее передам и доложу. Что мы просили? Исполнительному комитету план на 1949 год и капиталовложения Правительство утвердило, все лимиты. Товарищ Лазутин звонил мне несколько раз, докладывал, что очень тяжелое положение по газу, по эксплуатации жилья и по целому ряду других отраслей, что надо на торфобрикетный завод. Мы обсуждали этот вопрос и решили еще раз попросить у Правительства денег. Товарищ Капустин участвовал в этом, знает этот вопрос. Товарищ Лазутин подготовил письмо, и мы с ним подписали это письмо. Но сколько, вы думаете, мы просили? Около 170 миллионов капиталовложений. То есть то, что нам дали на весь год, и еще хотели получить столько же. Разве это не рвачество? Самое настоящее рвачество. Мы исходили только из своих местечковых вопросов, забывая общегосударственные интересы» ⁶.

Второй пример «рвачества», на котором остановился Попков, заключался в том, что он, с его слов, под давлением Лазутина и Капустина подписал обращение на имя Сталина с просьбой о награждении работников Ленинграда в связи с пятой годовщиной снятия блокады ⁷.

Ежемесячно обкомы и крайкомы партии направляли в высшие и центральные органы власти множество обращений, оформленных в виде писем либо постановлений бюро. Регионы просили выделить дополнительные финансовые и материально-технические ресурсы, оказать содействие в решении определенных «народнохозяйственных задач». В зависимости от важности или масштабов испрашиваемого эти просьбы могли адресоваться как главе Советского государства И.В. Сталину и членам высшего руководства страны, так и чиновникам многочисленных министерств и ведомств союзного и республиканского уровней. Просьбы рассматривались заинтересованными ведомствами, которые готовили свои заключения. Какие-то просьбы признавались обоснованными, но отклонялись по причине отсутствия средств, что планы уже составлены и утверждены, и запросы регионов будут учтены при составлении новых планов. Либо московские инстанции по той или иной причине считали нецелесообразным удовлетворение подобных запросов.

В свете этого обстоятельства запросы Смольного о дополнительном финансировании, названные П.С. Попковым и представленные им как «рвачество», скорее характеризовали руководителей Ленинграда как радетелей интересов своего региона. Ведь ни о каких закулисных комбинациях Попков не сказал. Единственное, что следует отметить, о рвачестве Попков заговорил сразу после собственного признания, что напрямую в ЦК ВКП(б) они вопросы не ставили, а «действовали только через Кузнецова» ⁸. Но о каком-либо участии Кузнецова либо Вознесенского в получении дополнительных средств для Ленинграда Попков, как следует из его выступления, напрямую ничего не сказал.

В том же ключе выстроили свои выступления другие ленинградские руководители. «Желание[м] быстрее восстановить ленинградскую промышленность в послевоенный период породились эти рваческие тенденции, о которых говорили сегодня, – заявил на пленуме второй человек в Смольном Я.Ф. Капустин. – <...> Они породились самой системой нашей работы. Что ни поездка товарища Попкова, на чем упорно настаивали, рождалась кипа бумаг, к этой бумаге – или четверть миллиарда, или 200 миллионов. Это же рваческие тенденции, негосударственные тенденции, и я принимал в этом активное участие, потому что всякая поездка с напором готовилась, советовались, какие вопросы готовить, готовил я лично, принимал участие»⁹.

Секретарь горкома П.И. Левин с трибуны пленума заявил, что в П.С. Попков в письмах и многочисленных просьбах требовал от правительства выделения значительных сумм на различные отрасли хозяйства Ленинграда¹⁰.

Лишь секретарь горкома Н.А. Николаев чуть приоткрыл завесу над тем, как ленинградскому руководству удавалось пробивать в Москве хозяйственные запросы. «За последний период времени стали замечаться серьезные провалы в регулярной связи с Центральным комитетом партии, – сказал Николаев. – Постановка вопросов была неполной, через отдельных лиц, а не через ЦК. Указывались адреса, где можно легче провести тот или иной вопрос. Центральный комитет партии вовремя и своевременно это заметил. Я должен сказать, что отсутствие информации и регулярной связи с ЦК ВКП(б) привело к серьезным антигосударственным действиям – урвать побольше у государства. В результате характерна постановка большого количества разнообразных просьб перед различными руководителями. В последнюю поездку товарища Попкова он повез большое количество папок, бумаг в различные адреса, тогда как на самом деле было бы правильно поставить эти вопросы в каком-то организованном порядке, комплексно перед Центральным комитетом партии. <...> Правительство и Центральный комитет партии исключительно много за последнее время дали Ленинграду, и естественно, кроме возмущения это большое количество просьб, очевидно, вызвать не могло. У нас живучи среди наших ленинградских руководящих работников, не только у Попкова, рваческие тенденции побольше взять от государства, получить побольше, не считаясь с возможностями государства»¹¹.

Исходя из того, что было сказано с трибуны пленума обкома и горкома ВКП(б) в Ленинграде, а также из текста постановления Политбюро ЦК ВКП(б), можно сделать следующий вывод. В начале 1949 г. в Кремле стало известно, что ленинградское руководство добивалось в высших властных инстанциях выделения ресурсов и положительного разрешения иных хозяйственных вопросов через «своих» людей – А.А. Кузнецова (в первую очередь) и М.И. Родионова. Разумеется, делалось это в нарушение установленной процедуры рассмотрения подобных запросов региональных партийных комитетов. Тем не менее Политбюро к тому времени не располагало

всеми фактами, а ленинградцы, в свою очередь, не спешили раскрывать карты и стремились свести все к тому, что во благо развития Ленинграда злоупотребили запросами в высшие властные инстанции. По всей видимости, более или менее полная картина на тот момент имелась лишь относительно организации ярмарки. Другие факты «плодотворного сотрудничества» ленинградского начальства с некоторыми представителями республиканских и союзных властных инстанций стали появляться позднее – в ходе опросов различных руководящих лиц и изучения имевшейся документации.

Так, 19 сентября 1949 г. второй секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) Б.Ф. Николаев, секретарь горкома В.Н. Малин и заведомо горкома А.В. Носенков подготовили на имя нового «хозяина Смольного» В.М. Андрианова служебную записку об Н.А. Манакове. Николай Александрович Манаков с 1948 г. занимал должность первого заместителя председателя Ленинградского горисполкома и входил в состав членов бюро горкома партии, а до того более 10 лет возглавлял плановую комиссию горисполкома (горплан). Авторы записки пришли к выводу, что Манаков «был фактически одним из организаторов антигосударственной практики и обмана государства», проводившейся А.А. Кузнецовым, П.С. Попковым, П.Г. Лазутиным и др., а именно принимал участие «в составлении завышенных дутых заявок к союзному правительству на капиталовложения в хозяйстве г. Ленинграда»¹².

Сотрудники Комиссии партконтроля при ЦК ВКП(б), со своей стороны, также установили, что Манаков, как бывший председатель горплана и зампред горисполкома, совместно с Кузнецовым, Попковым, Капустиным и другими систематически представляли в правительство завышенные планы на капиталовложения для восстановления Ленинграда. В 1947 г. вместо 701,5 млн руб. они запросили 913 млн, в 1948 г. вместо 943 млн – 1 042 млн руб., в 1949 г. вместо 736,5 млн – 827,7 млн руб.¹³

С учетом хронологии событий, что речь идет о составлении планов приблизительно в 1946–1948 гг., ясно, что А.А. Кузнецов принимал участие в этих действиях в качестве секретаря ЦК ВКП(б), а кресло первого секретаря ленинградских обкома и горкома партии занимал П.С. Попков.

В октябре 1949 г. Н.А. Манаков подготовил развернутое многостраничное заявление на имя заместителя председателя цеховского партконтроля М.Ф. Шкирятова. В нем он, как бывший председатель горплана, пояснял, каким образом составлялись планы капиталовложений в городское хозяйство Ленинграда и откуда брались эти цифры в планах, направленных в Москву.

«Разрабатываемые городской плановой комиссией проекты первых планов капиталовложений городского хозяйства исходили из потребностей восстановления городского хозяйства и заданий пятилетнего плана, – писал Манаков. – Эти проекты планов предусматривали рост капиталовложений к предыдущему году, но этот рост капиталовложений был увязан с возможностями их освоения – с ростом мощностей строительных организаций и

намечаемым ростом производства местных строительных материалов. Эти проекты планов при рассмотрении их как в Ленгорисполкоме, так и в горкоме увеличивались по объему капиталовложений на значительные суммы. Из имеющейся у меня справки городской плановой комиссии видно, что проектами планов объем централизованных и нецентрализованных вложений предусматривался в 1947 году в сумме 701,5 млн рублей, а после рассмотрения в Ленгорисполкоме и горкоме увеличился до 913,0 млн рублей и, соответственно, в 1948 г. – 943 и 1 042 млн рублей, и в 1949 году – 736,5 и 827,7 млн рублей. Это мотивировалось необходимостью ускорения восстановления Ленинграда, хотя из материалов плановой комиссии было ясно, что такой увеличенный объем вложений не может быть выполнен из-за недостатка мощностей строительных организаций, недостатка строительных материалов и отсутствия подготовленной проектно-сметной документации. По этим причинам против такого увеличения капиталовложений я возражал. Мои возражения отклонялись по мотивам, что горкомом и Ленгорисполкомом будут приняты меры по дальнейшему увеличению мощностей строительных организаций и расширению производства стройматериалов. Я не подозревал подлых намерений антипартийной группы и ограничивал свою борьбу на этих возражениях. Все это, в том числе и мое отношение к этому вопросу, можно проверить у работников плановой комиссии тт. Орлова, Коток, Сперанского»¹⁴.

Пока невозможно с точностью сказать, каким образом осваивались выделенные средства. Манаков об этом в заявлении не указал, а в других известных документах такие сведения не приводятся. Известно лишь, что немалая часть бюджетных средств, проходивших через Ленинградский горисполком, незаконно тратилась на строительство и содержание специальной охотничьей базы, на многочисленные застолья для руководства и в целом на обустройство роскошной жизни для «хозяина Смольного» П.С. Попкова и его ближайшего окружения¹⁵.

Как показали проверки, представлять в Совмин завышенные заявки на капиталовложения ленинградским руководителям помогал секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецов. Вместе с тем, несмотря на высокое положение, Кузнецов не имел возможности единолично «проталкивать» в правительстве все ленинградские вопросы. Помощь ленинградцам со стороны Совета Министров СССР в выделении финансовых средств и материальных ресурсов, в переброске средств с одних статей расходов на другие и в создании видимости их успешного и законного расходования оказывал член Политбюро ЦК ВКП(б), один из ближайших к Сталину руководителей страны.

Как уже говорилось, Н.А. Вознесенский упоминался в постановлении Политбюро от 15 февраля 1949 г. лишь в связи с поступившим ему предложением от П.С. Попкова шефствовать над Ленинградом. Сталин уделил этому обстоятельству большое внимание и учинил разбирательства на заседании Политбюро. На пленуме обкома и горкома в Ленинграде П.С. Попков

рассказывал, как он вскоре после смерти А.А. Жданова был в Москве на приеме у Н.А. Вознесенского и предложил ему взять шефство над Ленинградом. «Когда я был на приеме у товарища Вознесенского, – рассказывал Попков, – сказал ему, что основной шеф ушел от нас, ушел из партии: я хотел бы, товарищ Вознесенский, чтобы вы как член Политбюро взяли шефство над Ленинградом. Он меня очень резко сразу оборвал: это неправильно, что вы выдумали, какие шефы? У нас, говорит, в партии так не водится. Я извинился перед товарищем Вознесенским. Но после этого отказа Вознесенского я переключился обратно на Кузнецова. Мне этого и не хотелось, но переключился полностью на Кузнецова. И я должен подтвердить сегодня на пленуме обкома и горкома о том, что когда обсуждали этот вопрос на Политбюро и товарищ Сталин формулировал это как групповщину, я встал на формальную точку зрения. Я заявил там примерно так – товарищ Маленков может подтвердить – что я не состоял в какой-то группе, я не знаю такой группы. Это, конечно, товарищи, формальная сторона. Я понимал так, что раз группа организована, значит, она собирается, должна давать директивы. Такой группы не было. Я не понял существа, к чему это дело идет, и стоял на формальной точке зрения. Сейчас я совершенно четко себе представляю, что это была самая настоящая групповщина, потому что я равнялся на Кузнецова, Капустин равнялся на Кузнецова, а Центральный комитет обходили. В Центральном комитете вопросы не ставили, действовали только через Кузнецова, и Кузнецов встал стеной между Центральным комитетом партии и Ленинградской партийной организацией. Это факт, и отказываться от этого я не могу. Это есть антипартийная линия, и правильно ее Политбюро ЦК квалифицировало как антипартийную линию»¹⁶.

Другие выступавшие на пленуме ленинградские руководители признавали правильность решения Политбюро о «шефстве» и уверяли, что никакими полномочиями на этот счет Попкова не наделяли и ни в каких шефах Ленинград не нуждается. «Для бюро областного и городского комитетов партии вчера было непонятно, почему и откуда появилась у товарища Попкова необходимость искать каких-то особых защитников интересов Ленинграда и ленинградцев, нашей ленинградской организации в лице каких-то самозванных шефов, – говорил второй секретарь обкома Г.Ф. Бадаев. – Бюро вчера в своем обсуждении пришло к единому мнению и убеждению в том, что наша ленинградская организация никогда ни в каких шефах и в особых защитниках интересов Ленинграда не нуждалась. Ибо во всех вопросах жизни, деятельности и работы нашей ленинградской организации, во всей ее повседневной работе и деятельности мы всегда ощущали неустанную заботу, внимание и помощь со стороны Центрального комитета партии и лично товарища Сталина. <...> Поэтому бюро областного и городского комитетов партии вчера со всей решительностью отвергло и осудило подобные антипартийные действия товарища Попкова. Наша ленинградская организация во всей своей деятельности всегда опиралась не на самозванных шефов, а на руководство

Центрального комитета партии, неизменно, повторяю, ощущая всегда помощь и заботу Центрального комитета партии в решении всех вопросов жизни и работы нашей ленинградской партийной организации»¹⁷.

«Кто уполномочил товарища Попкова поставить вопрос о шефстве перед Вознесенским? – возмущался секретарь горкома Н.А. Николаев. – Почему не посоветовались по этому вопросу с членами бюро? Единоличная постановка этого вопроса нас особо возмущает»¹⁸.

«Сегодня уже товарищи говорили и приводили примеры, и мы в этом отношении убеждены, что ленинградская партийная организация здоровая, что ленинградская партийная организация ни в каких шефствах не нуждается, особенно по вопросам, которые касались по области, – говорил секретарь обкома Г.Г. Воротов. – Какие бы вопросы мы ни ставили перед партией и Правительством, все они решались, ленинградская партийная организация получала по всем вопросам решения партии и Правительства без всяких шефов. Мы ходили мимо шефов»¹⁹.

«Однако, не считаясь с тем, что о Ленинграде заботятся Центральный комитет, Правительство, мы встали, как это вскрыто теперь, на путь искания шефов для Ленинграда, тем самым по существу встали на путь отрицания заботы о Ленинграде, – продолжал общую линию председатель горисполкома П.Г. Лазутин. – Такое предложение, какое сделал товарищ Попков, предложение о шефстве над Ленинградом уму непостижимо, и он[о] является следствием оторванности нашего бюро городского комитета партии, руководителей нашего городского комитета от Центрального комитета партии»²⁰.

Таким образом, выступавшие на пленуме руководители говорили о предложении П.С. Попкова шефствовать над Ленинградом как о единичном возмутительном случае и как о неудачной инициативе бывшего «хозяина Смольного». Никакой постоянной связи ленинградского руководства с Вознесенским, в отличие от связи с А.А. Кузнецовым, не было. Все говорит о том, что и на заседании Политбюро Попков с Вознесенским представляли разговор о шефстве в том же ключе. Н.А. Вознесенский письменно уверял Сталина: «Товарищ Сталин! В связи с сомнением, которое Вы высказали по моему адресу на прошлом заседании Политбюро по вопросу о “шефстве”, мне хочется еще раз сказать Вам, что вчера, как и раньше, я сказал Вам, конечно, чистую правду»²¹.

Правда вскрылась чуть позже – в Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). П.С. Попков признался в КПК, что ранее он неоднократно обращался за содействием к Вознесенскому: «Однажды Капустин в присутствии других секретарей сказал: нельзя ли нам сменить шефа на более солидного? Я механически согласился с Капустиным. И когда я был в Совете министров, я зашел к Вознесенскому. <...> Я обращался и раньше часто к нему, и поэтому не случайно, что мы выбрали его»²².

В партконтроле недавним ленинградским секретарям начали задавать прямые вопросы: «Что вам известно о фактах, когда прежнее ленинградское

руководство обходило, игнорировало ЦК ВКП(б) и Правительство, обращаясь только к своим шефам – Кузнецову и Вознесенскому»²³.

К тому же еще до ленинградского пленума выяснилось, что Госплан СССР и Госплан РСФСР нарушили постановления правительства о ленинградской промышленности, и Политбюро ЦК ВКП(б) дало прямые указания о необходимости их точного выполнения²⁴. Учитывая, что в этих нарушениях было в первую очередь заинтересовано как раз ленинградское руководство, подозрения Сталина не были беспочвенными. Впоследствии именно нарушения постановлений Совета Министров СССР о приоритетных направлениях развития промышленности Ленинграда станут центральными обвинениями в адрес Н.А. Вознесенского, М.И. Родионова, А.А. Кузнецова и ленинградских руководителей.

Примечания

1. КУТУЗОВ В.А. Так называемое «Ленинградское дело». — Вопросы истории КПСС. 1989. № 3, с. 62–63.
2. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / Сост. О.В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, Л.П. Кошелева, А.И. Минюк, М.Ю. Прозуменщиков, Л.А. Роговая, С.В. Сомонова. М. 2002, с. 66–67, 246–247, 274–300.
3. КУТУЗОВ В.А. Ук. соч., с. 65–67; ПИХОЯ Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. М. 1998, с. 65–69; ПЫЖИКОВ А.В. Ленинградская группа: путь во власти (1946–1949). — Свободная мысль. 2001. № 3, с. 89–104; ХЛЕВНЮК О.В., ГОРЛИЦКИЙ Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М. 2011, с. 98–112.
4. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР..., с. 66–67.
5. Там же, с. 67.
6. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), ф. 25, оп. 28, д. 10, л. 20.
7. Там же, л. 21.
8. Там же, л. 20.
9. Там же, л. 49.
10. Там же, л. 120.
11. Там же, л. 35–36.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 589, оп. 3, д. 6318, л. 54.
13. Там же, оп. 5, д. 1519, л. 45.
14. Там же, оп. 3, д. 6318, л. 24.
15. СУШКОВ А.В. «Ленинградское дело»: генеральная чистка «колыбели революции». Екатеринбург. 2018, с. 49–54; ЕГО ЖЕ. Роскошь, деньги и банкеты. Документы партконтроля о фигурантах «ленинградского дела». — Свободная мысль. 2021. № 2, с. 89, 97.
16. ЦГАИПД СПб, ф. 25, оп. 28, д. 10, л. 19–20.
17. Там же, л. 3.
18. Там же, л. 37.
19. Там же, л. 79.
20. Там же, л. 84–85.
21. Вознесенский Л.А. Истины ради... М. 2004, с. 134.
22. РГАСПИ, ф. 589, оп. 3, д. 6306, л. 19–20.
23. Там же, л. 19.
24. ЦГАИПД СПб, ф. 25, оп. 28, д. 10, л. 86–87.